

УДК 001.6:[002.2+02]
ББК 72+78.01+78.02

ЗАКОНЫ НАУК ДОКУМЕНТО-КОММУНИКАЦИОННОЙ СФЕРЫ: КОРРЕЛЯЦИЯ С НАУКОВЕДЧЕСКИМ ЗНАНИЕМ

© Е. И. Полтавская, 2015

*Научная музыкальная библиотека им. С. И. Танеева
Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского
125009, г. Москва, ул. Большая Никитская, 11*

В соответствии с философскими представлениями о научном законе рассмотрены законы и тенденции документологии и библиотечного дела.

Ключевые слова: научный закон, эмпирический и теоретический закон, тенденция, науки документо-коммуникационной сферы, документология, библиотечное дело.

The second article discusses laws and trends of documentology and librarianship in accordance with philosophical ideas on a scientific law.

Keywords: scientific law, empirical and theoretical law, trend, documentary-communication sphere sciences, documentology, librarianship.

После рассмотрения законов библиографоведения (см. статью в № 1–2015, с. 10), обратимся к не менее значимым законам, сформулированным в документологии и приведенным в авторском учебнике Ю. Н. Столярова «Документология» [1].

Закон документизации (документного оснащения социальных коммуникаций) – важнейший и основной закон общественной жизни. Он гласит: «всякий социально значимый акт нуждается в документарном оформлении (то есть в оформлении, представленном в виде документа, сопровождении документом, документарном обеспечении, поддержке)» [1, с. 17].

Ю. Н. Столяров считает закон, обеспечивающий документом каждый акт социальной жизни, первым законом документологии. Действительно, «в подтверждении документом нуждается каждая социальная роль, в которой выступает индивидуум», каждый социальный институт «занят либо производством, либо транспортировкой, либо получением и хранением, либо переработкой, либо использованием документов» [2, с. 22]. Сам документ (или их совокупность) также может сопровождаться документом (библиографические описания, архивные описи, музейные этикетки). При этом подчеркивается модальность этого закона (не безусловность его соблюдения).

В «Новой философской энциклопедии» термин «модальный закон» не употребляется. По-видимому, модальные законы – это «некоторые, выра-

батываемые и определенным образом поддерживаемые человеческим сообществом и его институтами требования и нормативные предписания, которые должны выполнять физические, юридические лица и иные субъекты морали и права» [3, с. 35]. Таким образом, модальный закон возникает при управлении социальной жизнью и охватывает нравственные, государственные, уголовные, международные законы. Хотя модальный закон может не соблюдаться в отдельных случаях, он как закон социальный является результатом формирования необходимого удобства жизни, исходящего из потребностей людей, исторически сложившихся правил поведения в социуме, и в этом смысле объективен. О нарушении социального закона, отмечает Е. А. Сидоренко, можно говорить лишь метафорически: сам закон не может нарушаться, так как не зависит от сознания людей, но может быть не исполнен из-за незнания или в силу неотработанности механизмов его реализации.

Одно из следствий закона документизации – признание всех социальных институтов *документивными*¹ системами, поскольку в основе социальной деятельности лежит документ. Другие следствия: «необходимость *адекватности документа потребностям внешней среды*»; «конвенциональность

¹ Документивная система – термин Ю. Н. Столярова, «система коммуникации, исходящая из приоритета в ней документа; система, базирующаяся на документе; система, в которой коммуникация опосредована документом» [4, с. 21].

понятия *документ*²; «постоянное возрастание документного массива» [1, с. 18–19]. Эти следствия, являющиеся высказываниями о свойствах существующей социальной реальности, устанавливают эмпирические факты.

Согласно Ю. Н. Столярову, значение первого закона документологии в том, что «им определяется необходимость разработки документоведений в самых разных сферах, создания *обобщающей науки документологии*» [1, с. 21].

Из первого закона документологии следует второй, также открытый Ю. Н. Столяровым, – *закон обусловленности существования документа его качественными преимуществами*. Иначе говоря, бытование в обществе всякого вида документа обусловлено его качественными достоинствами. Данное суждение фиксирует наблюдаемый факт: документ остается документом, меняются лишь его исторические модификации.

Из второго закона следует, что «каждая социальная система способна создать документ (номенклатуру документов), специфический именно для нее, но возможный для использования иными социальными системами» [5, с. 163]. Отметим, что раздел документологии, который, по предложению Ю. Н. Столярова, должен заниматься нахождением зависимостей и выражением их в законах документологии, только начинает развиваться, поэтому неудивительно, что утверждение, которое раньше считалось вторым законом документологии, теперь подведено под более общий закон. В результате бывший второй закон стал следствием более общего закона [1, с. 20].

Третий закон документологии, который приводит в своем учебнике Ю. Н. Столяров, – *закон автономности информации и носителя*, из которого следует, что «одна и та же информация может быть записана на разных носителях», а «на одном и том же носителе может быть записана различная информация» [1, с. 23]. Данный закон, будучи констатацией многократно наблюдаемых фактов, является межотраслевым законом наук документо-коммуникационной сферы. То, что он наблюдается на уровне документа, свидетельствует об объективных предпосылках интеграционных устремлений документо-коммуникационных наук и информатики, и правильности намерений профессионального сообщества образовать отдельный общий класс информационных наук.

Итак, законы документологии (кроме третьего закона, в котором рассматривается информация, понимаемая мною не как реальная сущность, а как интеллектуальный конструкт), по-видимому, следует отнести к *эмпирическим* законам: они уста-

навливают зависимости между объектами реальности в виде эмпирических фактов.

Между тем от исходной позиции – существуют или нет объективные закономерности – зависит и представление о научном законе. Признание формулировок законов документологии действительно научными законами также зависит от исходного понимания, что такое *документ*.

Если документ трактуется предельно широко (как в Международном стандарте ISO, где таковым признается всякий культурный и природный объект, который рассматривается как единица документационного процесса), то указанные суждения действительно являются *законами*: документ, трактуемый как информационный объект, включенный в документационный процесс социальных коммуникаций, был и (допускаю) будет всегда.

Однако если считать документ лишь одним из этапов развития информационных объектов, полагая, что «человечество прошло длительный до-документный период и вступает в постдокументный, основанный на электронной сетевой коммуникации» [6, с. 236–237], то обязательное документное оснащение социальных коммуникаций и способность социальных систем создавать свои специфические документы следует рассматривать как *тенденции*. Тенденции проявляются в одну эпоху и могут исчезать в другие: «Социальная тенденция представляет собой достаточно устойчивую линию развития группы взаимосвязанных социальных явлений. <...> Тенденции, в отличие от законов, всегда условны. Они складываются при определенных условиях и прекращают свое существование при исчезновении этих условий» [7, с. 94–95].

Заметим, что далеко не все специалисты разделяют точку зрения о возможности существования человечества *без документа*. Так, Ю. Н. Столяров не считает нынешний период *постдокументным*, а полагает, что в настоящее время бытуют *два типа документа*: *нонэлектронный* и *электронный*.

С первым и вторым законами документологии логично связан тезис, сформулированный Ю. Н. Столяровым ранее: «любой из социальных институтов, обладающий документированным знанием в своей области, нуждается в библиотеке как собственной подсистеме» [8, с. 7]. И. В. Лукашов считает, что «данный тезис позволительно назвать законом, поскольку в нем зафиксирована объективная, устойчивая связь между библиотекой и включающей ее в свой состав более широкой системой..., с необходимостью повторяющаяся в процессе возникновения, развития и функционирования любой такой системы» [9, с. 94].

Обратим внимание: от трактовки термина «библиотека» зависит, можно ли эту зависимость называть законом или нет. Так, если под *библиотекой*

² Здесь и далее курсив в цитатах Ю. Н. Столярова. – Прим. автора.

понимать *организованный фонд* профессиональной литературы (обыденное понимание библиотеки), то подмеченная взаимосвязь существования любого социального института с его системным документным оснащением (А влечет В) является объективной (независимой от сознания людей) и повсеместно наблюдаемой – *эмпирическим законом*.

Если библиотеку понимать как *четырёхэлементную систему* (современная библиотковедческая трактовка), в которой различимы кроме библиотечного фонда другие элементы, то персонал библиотеки, включенной в другое предприятие, будет не всегда явно обособлен (книги могут быть доступны любому сотруднику). В связи с доступностью интернет-документов необходимость формировать свою библиотеку иногда вообще отпадает. Следовательно, в соответствии с распространенным научным представлением о библиотеке, «необходимость библиотеки в социальном институте» правильнее считать *тенденцией* – исторически обусловленной линией развития, носящей вероятностный характер.

К тому же, на теоретическом уровне установить наличие *необходимой связи* между любым социальным институтом и библиотекой – социальным институтом проблематично. Закон становится *теоретическим*, когда появляется существенная связь между теоретическими объектами (в данном случае между понятиями «социальный институт» и «библиотека – социальный институт»), выражающая отношение *обусловленности* между ними. Теоретическая связь между понятиями «социальный институт» и «библиотека – социальный институт» понятна: они соотносятся как род и вид; структура их изоморфна, фрактальна и поэтому совместима.

Однако также совместимы с любым социальным институтом и архив, музей, редакция, издательство, магазин и т. д. (учреждения, рассматриваемые вместе с потребителями их документа), но их присутствие не постулируется как обязательное [10, с. 112–127, 157–162]. Поэтому не ясно, как определить на уровне теоретических объектов, есть ли между любым социальным институтом и библиотекой – социальным институтом *необходимая обусловленная связь* (А влечет В).

В самом деле, если утверждение «данный вид относится к определенному роду» верно, то суждение «данный род необходимо содержит только данный вид» не соответствует действительности. В связи с этим утверждение о наблюдаемой зависимости, что «каждый социальный институт формирует фонд профессиональной литературы», есть *эмпирический закон*, а формулировка «каждый социальный институт нуждается в библиотеке как своей подсистеме» отражает исторически обусловленную *тенденцию*.

Вероятностные *законы-тенденции* А. В. Соколов предложил называть *закономерностями* на основании представления, что закономерности – это «обобщение более-менее регулярно повторяющихся явлений природы или общественной жизни» [11, с. 10].

Вместе с тем понятие «закономерность» трактуется философами по-другому. Так, Г. Д. Левин утверждает, что философы употребляют термины «закон» и «закономерность» как синонимы, особенно в тех случаях, «когда говорят о социальной закономерности» [12, с. 242]. Однако В. А. Сидоренко разъясняет: чтобы отличить законы как «необходимую связь (взаимосвязь, отношение) между событиями, явлениями, а также между внутренними состояниями объектов, определяющую их устойчивость, выживание, развитие, стагнацию или разрушение» (законы в первом смысле) от «утверждений, претендующих на отображение указанных связей» (законы во втором смысле), законы в первом смысле называют «объективными закономерностями» [3, с. 35].

Таким образом, различие между терминами «закономерность» и «закон» такое же, как между явлением реальности и суждением об этой реальности. Можно считать, что законы науки есть суждения о найденных объективных закономерностях природы или общества (иначе, законы науки есть отображения закономерностей с помощью естественного и/или искусственного языков). Одна и та же закономерность может быть выражена с помощью концептуального аппарата на основе разных теорий. При этом могут быть сформулированы разные (но не противоречащие друг другу) законы.

Термин «тенденция» несколько не умаляет значения открытой линии развития какого-либо социального явления, а только указывает на исторические рамки проявления данной зависимости. Руководствуясь трактовкой В. А. Сидоренко, отметим, что в термине «закономерность» («закон») таких ограничений нет, поэтому замена термина «тенденция» на «закономерность» представляется нецелесообразной, так как они не синонимы.

Один из признаков тенденции, который отмечается и А. В. Соколовым, это ее вероятностный характер. Как тенденция, замеченная эмпирически, квалифицируется *идея двойственности библиотечного обслуживания* С. А. Басова, согласно которой «библиотечное обслуживание включает в себя два основных вида деятельности: документально-сервисную (выдача запрошенных читателем документов) и социально-коммуникативную (организация межличностного и группового общения)» [цит. по: 11, с. 24]. Действия по предоставлению документа в библиотеках, архивах, музеях, научно-информационных центрах зафиксированы в составном термине «*документно-коммуникационный*». Однако

соотношение этих двух сторон обслуживания различно, к примеру, в информационном центре (там коммуникационная сторона может стремиться к нулю) и в детской библиотеке (где она может превалировать над документной).

К социальным тенденциям развития библиотечного дела в СССР относятся формулировки И. М. Фрумина: «о непрерывном росте библиотек; дифференциации библиотек; интеграции фондов и росте удельного веса библиотек с универсальными фондами; взаимодействии библиотек» [Цит. по: 4, с. 16], поскольку с изменением политического строя государства эти зависимости больше не наблюдаются. Тенденции И. М. Фрумина следуют из закона Ш. Р. Ранганатана «библиотека – растущий организм» и квалифицированы И. В. Лукашовым как его «эмпирические проявления» [9, с. 97].

Тезис Е. Б. Виноградовой о том, что «всякая развитая документивная система повышает уровень документизации смежных и сопряженных систем» [13, с. 70], по-видимому, фиксирует межотраслевую тенденцию. При этом наблюдаемое явление сравнивается с «документарным заражением», т. е. речь идет не просто о неизбежном увеличении числа документов, а о «влиянии развитых высокодокументивных систем на смежные и сопряженные системы». Однако сама автор тезиса отметила, что «существуют системы, способные *возразить* на попытку документного вторжения» [13, с. 71, 73]. Следовательно, «документарное заражение» все-таки не является тотальным и неизбежным, а носит вероятностный характер и на этом основании к законам не относится.

А. И. Остапов выдвинул «закон попеременного ускользания соответствий между структурой библиотечного дела и структурой коммуникативно-познавательных потребностей» применительно к библиотечному делу [Цит. по: 14, с. 53]. Так, коммуникативно-познавательные потребности современного пользователя библиотеки опережают комплектование библиотечного фонда и формы документивной коммуникации, осуществляемые в отечественной библиотеке.

Однако, например, в послереволюционный период потребности большинства читателей, наоборот, отставали от возможных библиотечных услуг, поэтому требовалось руководить их чтением. Следовательно, «попеременное ускользание соответствий» между потребностями пользователя и возможностями библиотеки в ту или иную сторону – действительный факт, независимый от исторического периода. Поэтому суждение А. И. Остапова отражает эмпирическую внутриотраслевую закономерность и является эмпирическим законом фондоведения. Идеалом фондовика и управленца библиотеки, полагаю, должен быть лозунг: возможности предоставления в пользование библиотечного фонда

зеркально отражают коммуникативно-познавательные потребности пользователя библиотеки.

Однако согласиться с формулировкой, которая утверждает взаимосвязь между *структурой библиотечного дела* и *структурой коммуникативно-познавательных потребностей*, нельзя.

Структура (от лат. *structura* – строение, расположение, порядок) – «это совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих сохранение его основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях, основная характеристика системы, ее инвариантный аспект» [15, с. 647].

С одной стороны, *структура библиотечного дела* представляется в виде комплекса, основу которого составляет *библиотека* и обеспечивающая ее работу *инфраструктура* (профессиональное образование, печать, наука и др.) – то, что А. В. Соколов и С. А. Басов включают в «библиотечный социальный институт» [16, с. 35–42; 17, с. 31–58]. Ядро структуры библиотечного дела выражает четырехэлементная модель библиотеки Ю. Н. Столярова. Инфраструктура построена как обеспечение формирования библиотеки (социальной системы по производству и предоставлению документа) или изучения каждого из ее элементов, а также системы в целом.

С другой стороны, *структура коммуникативно-познавательных потребностей* личности изучается психологией и, по-видимому, должна включать вербально-семантическую, когнитивную, прагматическую характеристики. Поэтому структура библиотечного дела и структура коммуникативно-познавательных потребностей человека не могут зависеть друг от друга, так как они представляют собой инварианты разных систем, формировавшихся по своим законам автономно друг от друга.

Другое дело, что координировать можно *задачи организации* библиотечного дела в зависимости от коммуникативно-познавательных *потребностей пользователей* в данный исторический период. Поэтому приемлемым видится закон *попеременного ускользания соответствий между задачами организации библиотечного дела и коммуникативно-познавательными потребностями*, утверждающий, что потребности пользователей библиотеки и развитие библиотечного дела – это взаимозависимые факторы, инициирующие друг друга³.

³ Настоящий эмпирический закон сформулирован А. И. Остаповым и в более общем виде – как *когнитологический закон*, «суть которого состоит в попеременном запаздывании (ускользании) соответствия между структурой объективно-возвышающихся коммуникативно-познавательных потребностей и относительно стабильной (малодинамичной) заранее заданной структурой когнитивной памяти». Результатом действия называется «когнитивный диссонанс» [18, с. 66]. Несмотря на то, что когнитологический закон не относится к зависимостям документо-коммуникативной сферы, рассмотрение его важно для понимания

Итак, суждения, зафиксированные в науках документо-коммуникационной сферы, в том числе документологии и библиотечном деле, отражают объективные зависимости и представляют собой либо эмпирические законы, либо исторически проявляемые тенденции.

В следующей (заключительной) статье будут рассмотрены законы библиопсихологии, развития информационного пространства и теоретические законы документивной коммуникологии, (так нами названа группа смежных, т. е. близких документо-коммуникационных наук, включающая библиотековедение, библиографоведение, книговедение, архивоведение, музееведение).

Литература

1. Столяров Ю. Н. Документология : учеб. пособие / Моск. гос. ун-т культуры и искусств ; Орлов. гос. ин-т искусств и культуры. – Орел : Горизонт, 2013. – 370 с.
2. Столяров Ю. Н. Закон документного оснащения социальных коммуникаций // Библиотековедение. – 2002. – № 6. – С. 22–30.
3. Сидоренко Е. А. Закон // Новая философская энциклопедия. – М., 2010. – Т. 2. – С. 34–36.
4. Столяров Ю. Н. О закономерностях функционирования документо-коммуникационной системы (отклик на статью А. В. Соколова) // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2009. – № 2. – С. 15–22.
5. Столяров Ю. Н. Второй закон документологии // Духовна культура в інформаційному суспільстві : матеріали міжнар. наук.-теорет. конф. (24–25 січня 2002 р.). – Харків, 2002. – С. 163–166.
6. Сляднева Н. А. Информографическая концепция библиографии. (Библиография в контексте информатизации общества, или 10 лет спустя) // Российское библиографоведение: итоги и перспективы. – М., 2006. – С. 232–252.
7. Ивин А. А. Современная философия науки. – М. : Высш. шк., 2005. – 592 с.
8. Столяров Ю. Н. Возможности системного подхода к изучению основных проблем дисциплин документально-коммуникационного цикла (на примере библиотекведения) // Книга и социальный прогресс : Пятая всесоюз. конф. по проблемам книговедения. Секция общих проблем книговедения : тез. докл. (10–12 апр. 1984 г.). – М., 1984. – С. 3–14.
9. Лукашов И. В. Основные направления развития российского (советского) библиотековедения : ист. очерк // Российское библиотековедение: XX век. Направления развития, проблемы и итоги : опыт моногр. исслед. – М., 2003. – С. 9–140.
10. Полтавская Е. И. Схематизация понятий как метод исследования: документо-коммуникационный аспект. – Челябинск : Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2014. – 312 с.
11. Соколов А. В. Детерминизм и деонтология в Документной коммуникационной системе // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2008. – № 4. – С. 6–34.
12. Левин Г. Д. Закон (Закономерность) // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М., 2009. – С. 242.
13. Виноградова Е. Б. Документологический тезаурус: анализ и использование // Научные и технические библиотеки. – 2014. – № 5. – С. 67–73. – Рец. на кн.: Документология : учеб. пособие / Ю. Н. Столяров, Моск. гос. ун-т культуры и искусств ; Орлов. гос. ин-т искусств и культуры. – Орел : Горизонт, 2013. – 370 с.
14. Фокеев В. А. Природа библиографического знания. – М. : РГБ, 1995. – 352 с.
15. Структура // Новая философская энциклопедия. – М., 2010. – Т. 3. – С. 647.
16. Соколов А. В. Пути преодоления кризиса // Библиотекать. – 1990. – № 11. – С. 35–42.
17. Басов С. А. Категория «Библиотечный социальный институт» в понятийном аппарате библиотековедения // Библиотечный социальный институт: новые акценты и аспекты. – М., 2013. – С. 31–58.
18. Остапов А. И. Управление когнитивными процессами в бизнесе / А. И. Остапов, И. А. Саяпина. – Краснодар : Диапазон-В, 2012. – 128 с.

Материал поступил в редакцию 03.08.2014 г.

Сведения об авторе: Полтавская Елена Игоревна – кандидат педагогических наук, заведующий отделом хранения, тел.: (495) 629-14-75, e-mail: store@mosconsv.ru

только что рассмотренного закона библиотечного дела. В отличие от закона библиотечного дела, формулировка когнитологического закона утверждает лишь одностороннее развитие (потребности опережают развитие структуры мозга, отвечающей за память). Однако можно предположить и обратное движение, вызывающее когнитивный диссонанс, когда структура физиологически еще готова воспринимать информацию, но потребности по какой-то причине угасли. Одностороннее рассмотрение отражает лишь данный исторический этап процесса, который может проявляться либо в виде прогресса потребностей, либо его регресса, и, следовательно, не раскрывает закономерность в целом и является тенденцией, носящей временный характер.